

МЕЛАНИ РААБЕ

МЕЛАНИ РААБЕ

ЗАПАДНЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
P12

«DIE FALLE»
by *Melanie Raabe*

Серия «Мастера саспенса»

Перевод с немецкого *Игоря Большечева*

Печатается с разрешения издательства btb Verlag, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency.

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Раабе, Мелани.

P12 Западня : роман / Мелани Раабе; [пер. с нем. И.И. Большечева]. — Москва : АСТ, 2015. — 381 [3] с. — (Мастера саспенса).

ISBN 978-5-17-092676-3

Знаменитая писательница Линда Конрадс живет очень замкнуто: одиннадцать лет она не выходит из дома. Лишь немногие знают, что все это время она страдает от ужасного воспоминания из прошлого: много лет назад Линда обнаружила свою сестру Анну убитой и видела лицо ее убийцы. И вот однажды, смотря телевизор, она узнает в известном тележурналисте Викторе Ленцене убийцу Анны. Линда решает заманить его в западню, приманкой в которой станет она сама. Но что же на самом деле произошло в ту ужасную ночь?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-092676-3

© 2015 by btb Verlag, München, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany
© Большечев И.И., перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Я не из этого мира.

По крайней мере, так обо мне говорят. Как будто существует еще какой-то мир.

Стою в большой пустой столовой, в которой никогда не ем, и смотрю вдаль. У меня столовая на первом этаже, с большим фасадным окном, а там, за домом, — луг и опушка леса. Время от времени пробегают косули. Лисицы.

Осень. Смотрю на нее в окно, и мне кажется, я смотрю в зеркало. Крещендо красок, осенний вихрь треплет деревья, гнет и полощет ветки, некоторые ломает. Драматический день и — красивый. Похоже, и природа чувствует: что-то вот-вот придет к своему концу. И это — последний всплеск, с напряжением всех сил, всех красок. Скоро все бессильно затихнет за моим окном. На смену сияющему солнечному свету вначале придет сырая серость, а потом и звенящая белизна. Те, кто приходит меня навестить, — помощница, издатель, дама литературный агент, а больше, в сущности, никого и нет, — будут жаловаться на сырость и холод. И на то, что с утра с заочневшими пальцами надо долго

Мелани Раабе

скрести лобовое стекло машины. На то, что выходишь из дома — еще темно, а вечером приезжаешь опять в темноте. Для меня это мало что значит. В моем мире и зимой, и летом — всегда плюс 23,2. В моем мире всегда день, тут никогда не бывает ночи. Тут нет дождя, нет снега, нет скрюченных от мороза пальцев. В моем мире только одно время года, которому я никак не могу найти названия.

Мой мир — моя вилла. Каминная — это моя Азия, библиотека — Европа, кухня — Африка. Северная Америка располагается в кабинете. Спальня — это Южная Америка, а Австралия и Океания — на террасе. Буквально в двух шагах — но, увы, абсолютно недостижимые.

Я уже одиннадцать лет не выхожу из дома. О причинах можно прочесть в СМИ, хотя порой они несколько преувеличивают. Да, я больна. Правда, что я не могу выходить из дома. Но я не «вынуждена жить в абсолютной темноте и спать в кислородной палатке». Все вполне терпимо. Вполне упорядоченно. Время — это поток, мощный и нежный, и я плыву по его течению. И только Буковски нарушает это мирное течение, когда, наносившись по лугу, приносит в дом комочки земли на лапах и капли дождя на лохматой шкуре. Мне нравится гладить его и ощущать рукой влажную лохматость. Мне нравятся эти грязные следы другого мира, которые оставляет Буковски на плитке и паркете. В моем мире нет земли, деревьев, лугов, кроликов и солнечного света. Птичий щебет — из плеяера, солнце — в солярии, в цокольном этаже. Мой мир невелик, но зато он надежен. По крайней мере, я так считаю.

Землетрясение случилось во вторник. И никаких предварительных толчков. Ничего, что могло бы насторожить.

Я, собственно, была в Италии. Я часто путешествую. Легче всего побывать там, куда я действительно когда-то ездила, а в Италии я бывала часто. Так что время от времени я возвращаюсь туда.

Италия прекрасная страна, она вне времени и очень опасна, потому что напоминает мне о сестре.

Об Анне, которая любила Италию задолго до того, как впервые там оказалась. Еще ребенком она добыла себе курс итальянского и так часто крутила эти кассеты, что заиграла вконец. Об Анне, которая школьницей на своем купленном на мучительные совместные накопления скутере «Веспа» безбашенно гоняла по улочкам нашего родного немецкого городка, представляя себе, будто она носится по тесным переулкам Рима.

Италия напоминает мне о сестре и о том, как все было раньше, до мрака. Я постоянно стараюсь отгонять мысль об Анне, но она назойлива, как старомодный

Мелани Раабе

вентилятор. А с ней приходят и другие мрачные мысли, неизбежно.

Но вернемся в Италию. Целую неделю безвылазно я провела в трех расположенных рядом друг с другом гостевых комнатах на верхнем этаже, не используемых, редко мной посещаемых и назначенных Италией. Подобрала подходящую музыку, смотрела итальянские фильмы, читала книжки о стране и людях, разбросала повсюду фотоальбомы, и каждый день из специальной кейтеринговой компании мне доставляли блюда разных регионов Италии. И вино. О, вино. Оно сделало мою Италию почти настоящей.

Я брожу по римским улочкам в поисках одного замечательного ресторана. Душно, жарко, и я устала. Устала пробираться против плотного потока туристов, устала отбиваться от нескончаемых мелких торговцев сувенирами, устала от этой красоты вокруг, которую приходится поглощать огромными дозами. Краски потрясающие. Небо над Вечным Городом — серое, глубокое, а под ним — медленное течение тусклой зелени Тибра.

Я, должно быть, задремала, потому что, проснувшись, увидела книгу с материалами по Древнему Риму, которую, как мне казалось, листала давным-давно. Приходя в себя, чувствую беспомощную растерянность. Не помню, что было во сне, и с трудом возвращаюсь в реальность.

Последнее время я редко вижу сны. Первые годы после ухода из обычного мира мне снилось гораздо больше снов, чем в прежней жизни. Похоже, мозг пы-

Западня

тался ночью компенсировать недостаток новых ежедневных впечатлений. Он изобретал для меня яркие приключения: тропические леса с говорящими животными, города из разноцветного стекла, населенные людьми с магическими способностями. Мои сны поначалу всегда были радостными и светлыми, но рано или поздно они начинали пропитываться другим цветом, как промокашка черными чернилами, поначалу почти незаметно, едва уловимо. В тропических лесах опадали листья, животные умолкали. Разноцветное стекло дробилось на острые осколки, о которые постоянно кто-то резался, небо становилось угрожающе-ежевичного цвета. И рано или поздно появлялся он. Монстр. Порой только как смутное чувство опасности, которое толком и не поймешь, порой как призрак, мелькнувший на периферии зрения. Порой он преследовал меня, и я убегала и отводила взгляд, чтобы не смотреть, не видеть, потому что не могла видеть это лицо, даже во сне. Посмотрев монстру в лицо, я умирала. И так каждый раз. Умирала и просыпалась, захлебываясь воздухом, как утопающая. И в те первые годы, когда сны снились часто, было очень трудно разогнать эти ночные мысли, которые словно вороны сидели на моей кровати. И ничего нельзя поделать. Как ни болезненны были воспоминания, я все равно в эти мгновения думала о ней — о моей сестре.

Сегодня ночью не было снов, не было монстра, но я все равно чувствовала какой-то неясный страх. В голове вертелась фраза, которую я никак не могла ухватить. Какой-то голос. С трудом открываю глаза, чувст-

Мелани Раабе

вую, что правая рука затекла, пытаюсь пошевелить ею. Работает телевизор, и там — этот голос, который проник в мой сон, который меня разбудил.

Мужской голос, уверенный, деловой, ровный, такими всегда говорят новостные каналы, где иногда показывают чудесные документальные фильмы, которые мне очень нравятся. Сажусь, пытаюсь нашарить пульт и не нахожу. Моя кровать огромна, моя кровать — море, много подушек и одеял, фотоальбомы и целая армада пультов: собственно для телевизора, для ресивера, для DVD- и двух Blue-Ray-плееров, которые играют разные форматы, для акустической системы, для DVD-рекодера и для моего старого кассетного видеомагнитофона. Я разочарованно шмыгаю носом, голос из новостей рассказывает мне что-то о Ближнем Востоке, о котором я ничего не хочу знать, — не сейчас, не сегодня, у меня отпуск, я в Италии и наслаждаюсь путешествием.

Но — поздно. События реального мира, о которых рассказывал этот голос из новостей, войны, катастрофы, зверства, от которых хотелось избавиться хотя бы на несколько дней, уже загрохотали в моей голове, мгновенно уничтожив царившую там легкость. Ощущение Италии исчезло. Путешествие закончилось. Рано утром я вернусь в свою обычную спальню и вымету из себя остатки итальянского антуража. Тру глаза, яркость телеэкрана причиняет боль. Диктор из новостей заканчивает с Ближним Востоком и переходит к внутривосточным темам. Разочарованно смотрю на него. Усталые глаза слезятся. Наконец он договаривает свой текст, и начинается прямое включение из Берлина. Репортер стоит на фоне Рейхстага, вели-

Западня

чественно и гордо возвышающегося в темноте, и что-то рассказывает о последних зарубежных визитах нашего канцлера.

Вглядываюсь внимательней. Вся сжимаюсь, моргаю. Не в силах поверить. Но это он. Я вижу его. Прямо перед собой. Ошарашенно трясую головой. Этого не может быть, этого просто не может быть. Я не верю своим глазам, снова принимаюсь моргать, изнуренно, как бы пытаюсь стереть изображение с экрана, но оно остается неизменным. Сердце болезненно сжимается. В мозгу бьется одна мысль: невозможно. Но всем существом понимаю: все это правда. Господи!

Мой мир задрожал. Я не понимаю, что происходит, но кровать трясется, книжные полки на стенах раскачиваются из стороны в сторону и наконец рушатся на пол. Падают картины со стен, разбивается стакан, на потолке появляется трещина, сперва как волосок, потом уже с палец толщиной. Рушатся стены с неописуемым грохотом, и все это в тишине, в абсолютной тишине.

Мой мир лежит в руинах. Я сижу на кровати среди груды обломков и остановившимся взглядом смотрю в телевизор. Я — сплошная открытая рана. И запах сырого мяса. Широко разверстая, я зияю. В голове сверкают, пронзая болью, ослепительные молнии. Перед глазами красная пелена, я хватаюсь за сердце, у меня кружится голова, сознание пульсирует, я знаю, что значит это сырое багровое чувство, у меня паническая атака, я задыхаюсь, сейчас случится обморок, хоть бы скорее случился обморок. Этот экран, это лицо, это невыносимо. Хочу отвести взгляд и не могу, словно окаменела. Я не хочу больше смотреть, но должна — не

Мелани Раабе

могу ничего другого, взгляд направлен на экран телевизора, даже не могу посмотреть в сторону, не могу, глаза широко раскрыты, и я пристально смотрю на него, на монстра из моих снов, и пытаюсь проснуться, пытаюсь наконец проснуться.

Умереть и сразу проснуться, как это было всегда, когда я смотрела прямо в лицо монстру в своих снах.

Но я уже давно не сплю.

Наутро выкарабкиваюсь из-под обломков и пытаюсь по кусочкам собрать себя заново.

Меня зовут Линда Конрадс. Я писательница. Заставляю себя писать по книге в год. Книги мои очень успешны. Я богата. Или точнее: у меня есть деньги.

Мне 38 лет. И я больна. В СММИ пишут о таинственной болезни, которая не позволяет мне свободно передвигаться. Уже больше десяти лет я не выхожу из дома.

У меня есть семья. Или точнее: у меня есть родители. Своих родителей я не видела уже много лет. Они ко мне не приезжают. А я к ним поехать не могу. Изредка мы перезваниваемся.

Есть нечто, о чем я не очень люблю думать. И в то же время не могу не думать. Это связано с моей сестрой. И так — уже очень давно. Я любила сестру. Мою сестру звали Анна. Она мертва. Она была младше меня на три года. Она умерла двенадцать лет назад. Она не просто умерла. Мою сестру убили. Двенадцать лет назад мою сестру убили, и это я ее нашла. И это я видела убегающего убийцу. И это я видела лицо убийцы. Убийца —

Мелани Раабе

мужчина. Он обернулся, посмотрел на меня и убежал. Я не знаю, почему он убежал. Я не знаю, почему он не набросился на меня. Я знаю только, что моя сестра мертва, а я — нет.

Моя психиатресса описывает меня как человека, «травмированного в высшей степени».

Такова моя жизнь, такова я. И думать об этом мне не хочется.

Я прихожу в себя, сажусь на кровати, опускаю ноги на пол, встаю. На самом деле я только собиралась проделать все это, а в действительности даже не пошевелилась. Может, меня парализовало? Не чувствую ни рук, ни ног. Пытаюсь еще раз, но, похоже, слабые сигналы мозга не доходят до конечностей. С другой стороны, может, ничего страшного, если я еще чуть-чуть полежу. Сейчас утро, но ведь никто и ничто не ждет меня, кроме моего пустого дома. Еще раз напрягаюсь. В теле какая-то невероятная тяжесть. Еще какое-то время лежу, но не засыпаю. Когда опять смотрю на часы, которые стоят на деревянной тумбочке возле кровати, вижу, что прошло шесть часов. Странно и не очень хорошо. Чем быстрее идет время, тем быстрее настанет ночь, а я боюсь ночи, невзирая на обилие светильников в доме. После многочисленных попыток все-таки собираю себя настолько, чтобы сходить в ванную и спуститься по лестнице на первый этаж. Целая экспедиция на край света. Виляя хвостом, налетел на меня счастливый Буковски. Покормила его, налила воды в миску, выпустила на улицу, пусть поносится. Наблюдая за ним из окна, вдруг подумала, что обычно радуюсь, когда вижу, как он дурачится и скачет по лугу, а вот сейчас — нет. Хоть бы он скорее вернулся, чтобы я смогла опять

Западня

лечь в кровать. Я свистнула ему — маленькой скачущей точке на опушке леса. Если бы он вдруг не захотел вернуться, я бы ничего не могла поделать. Но он всегда возвращается. Ко мне, в мой маленький мир. Вот и сегодня. Он наскакивает на меня, зовет поиграть, но я не могу. И, обиженный, он сдается.

Мне очень жаль, дружище.

Он сворачивается на своем коврикe в кухне и скорбно смотрит на меня. Я отворачиваюсь и иду в спальню. Там снова забираюсь в кровать и чувствую себя слабой, изможденной.

До мрака, до своего ухода, когда я была сильной и жила в реальном мире, я себя так чувствовала в начальной стадии какого-нибудь особенно злого гриппа. Но сейчас у меня не грипп. Сейчас у меня — депрессия, которая случается всякий раз, стоит подумать об Анне и тех событиях, чего я в нормальном состоянии тщательно избегаю.

Так долго я жила спокойно и все мысли о сестре подавляла в зародыше. И вот сегодня — опять. Так долго, что — казалось бы, но нет — рана не затянулась. Время — плохой лекарь, шарлатан.

Я понимаю, что надо что-то предпринять, пока не поздно, пока еще я окончательно не погрузилась в этот депрессивный водоворот, который затянет меня в полную черноту. Понимаю, надо поговорить с врачом, чтобы он прописал что-нибудь, но не могу набраться духу. Усилие кажется мне невероятно огромным. И потом, не все ли равно? У меня всего лишь депрессия. Я вообще могу просто лежать в постели. Какая разни-